

Летописец Железной дивизии

**Александр Поляков
и его книга «В тылу врага»**

Есть в Ульяновске улица Железной Дивизии – воинского соединения Красной армии, рождённого Гражданской войной. В 1918 году бойцы Первой сводной симбирской дивизии взяли Симбирск – место, где родился Ленин, направив вождю телеграмму: *«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу одну рану, а за вторую – будет Самара!»*

А.Ф. Поляков. 1940

Ленин поблагодарил красноармейцев ответной телеграммой: *«Взятие Симбирска – моего родного города – есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны»*. За освобождение Симбирска от белочешских соединений 12 сентября советское правительство наградило дивизию почётным Красным знаменем, ей было присвоено наименование «Железная».

В июне 1941 года, находясь в командировке в расположении дивизии в Западном особом военном округе, с этой страницей её истории впервые познакомился Александр Поляков (1908–1942), специальный корреспондент «Красной звезды». Официально воинское соединение именовалось так: 24-я Железная Самаро-Ульяновская дважды Краснознамённая стрелковая дивизия. Волею обстоятельств Поляков, выходя с дивизией из окружения, стал летописцем ещё одного этапа её пути – мужественного сопротивления превосходящим силам фашистов, вторгшихся в СССР. Дневник военного корреспондента, рассказывавший о героической борьбе бойцов и командиров 24-й дивизии с немецкими захватчиками, в августе-сентябре 1941 года был опубликован в «Красной звезде»,

а к концу года вышел отдельной книгой – «В тылу врага».

«Это была первая документальная повесть о войне, – вспоминал Давид Ортенберг, знаменитый главный редактор «Красной звезды». – Написана она была мастерски. Немного словно и точно донёс Поляков суровую правду войны, чёткими штрихами рисовал людей, товарищей по боям, красочно писал живые сцены, колоритные диалоги, точно подмечал детали фронтовой жизни и быта».

Книгу Александра Полякова ценил генерал-майор Кузьма Никитович Галицкий, командир 24-й Самаро-Ульяновской дивизии. Он использовал

её в своих воспоминаниях «Годы суровых испытаний». Вспоминая о выходе из окружения, он писал: *«Наконец-то! Позади остался почти 500-километровый путь по тылам врага, по лесным тропам и болотам, долгий путь боёв с многократно превосходящими силами противника. Сейчас, вспоминая об этих днях, я, может быть, написал о них слишком кратко, бегло, без многих подробностей, не сохранившихся в памяти. Любопытный читатель найдёт их в дневнике военного корреспондента «Красной звезды» старшего политрука А. Полякова, находившегося в нашей дивизии всё это время»*.

Книга о Самаро-Ульяновской Железной дивизии нравилась ещё одному полководцу Великой Отечественной войны – Г.К. Жукову. Он сказал об этом автору, когда вручал ему орден Красного Знамени.

После выхода Железной дивизии из вражеского окружения газета «Правда» 10 августа 1941 года отметила в своей передовой статье «Военное искусство, помноженное на храбрость»: дивизия одна из первых

Кузьма Никитович
Галицкий. 1973

К.Н. ГАЛИЦКИЙ
**ГОДЫ
СУРОВЫХ
ИСПЫТАНИЙ**
1941-1944

Из фонда Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова

приняла «на себя удар германских танковых колонн и отразила его, уничтожив огнём артиллерии 265 танков. А когда немецкие танковые и моторизованные дивизии, прорвавшись на соседних участках, окружили наше соединение, генерал Галицкий разделил его на отряды и приказал самостоятельно пробиваться на восток. Дни и ночи шли храбрецы по лесам и болотам Советской Белоруссии, уничтожая немецкие обозы, сея панику, нападая с тыла на вражеские части и штабы. Когда бойцы израсходовали боеприпасы, они «перевозвооружились» отбитыми германским оружием. Две трети личного состава своего соединения вывел генерал-майор Галицкий из окружения, нанеся врагу значительно большие потери, чем понёс сам».

Книга Полякова была переведена на английский язык и с предисловием советского посла в Великобритании И.М. Майского издана в Лондоне в том же 1941 году под названием *With a Soviet Union through the Nazi lines*. Она произвела сильное впечатление на читателя. Писатель Теодор Драйзер откликнулся на неё так: «Я думаю, что это одна из самых сильных, правдивых и увлекательных книг, которую я когда-либо читал». The Publishers Weekly (США) в своём номере от 23 мая 1942 года отмечал: «Эта книга в первый раз представляет американским читателям достоверный, глубоко человек-

ный, очень подробный рассказ очевидца о том, что советские бойцы – как солдаты, так и штабские – делают каждый день на этом решающем Восточном фронте. До сих пор война, не имеющая себе равной в истории, не дала ещё такой книги, как этот вдохновляющий фронтовой дневник 34-летнего русского военного корреспондента Александра Полякова, раненного в бою». Кроме английского языка книга спецкора «Красной звезды» вышла на французском и китайском.

Ещё одним свидетельством большой роли книги Полякова в поднятии боевого духа на фронте являются отзывы самих бойцов Красной армии. На одном из экземпляров «В тылу врага», найденном осенью 1943 года под Новороссийском, была обнаружена следующая надпись: «Личный состав подразделения гвардии старшего лейтенанта Давиденко очень интересовался этой книгой. Она прочитана всеми. Подвиги и героизм, описанные в книге, вдохновили нас в бою с заклятым врагом. Гвардии старший краснофлотец Кирдюков, гвардии краснофлотец Белов».

Так кто же такой Александр Филатович Поляков, автор книги?

Александр Поляков родился в деревне Александровке Башмаковского района Пензенской области, семилетнюю школу окончил в Пачелме, в той же Пензен-

ской области, куда в 1924 году переехала семья. По комсомольской путёвке в 1927 году он уехал в Москву, где поступил в Краснознаменное артиллерийское училище им. Л.Б. Красина. После его окончания Поляков служил командиром батареи в Московской пролетарской дивизии. Во время испытания орудий в 1932 году получил контузию, несовместимую с воинской службой. В отставке Поляков короткое время работал завклубом Дома правительства («Дома на набережной»). Одновременно учился в престижном Коммунистическом университете имени Свердлова на журналиста (заочно). Получив диплом, Александр Филатович пришёл в 1938 году в газету «Красная звезда», в которой проработал до своей кончины. Как военный журналист Поляков освещал три советские военные кампании – Польский (1939) и Бессарабский (1940) походы Красной армии, советско-финскую войну (1939–1940). В финскую – ещё и воевал, получил ранение, был награждён орденом Красного Знамени.

Документальными свидетельствами о войне, кроме книги «В тылу врага», стали написанные им книги «Под Ржевом» и «Белые мамонты. История пяти «КВ». Они увидели свет уже после смерти Александра Филатовича, скончавшегося в редакции газеты от

последствий ран, полученных в командировке под Ржев.

Товарищ А.Ф. Полякова журналист «Красной звезды» Исаак Дейгин, отвечая школьникам из Пачелмы (1970), нарисовал такой словесный портрет их земляка: *«Он был среднего роста, смуглый, с густыми чёрными бровями, порывистый, всегда улыбающийся. В работе – огонь... Всегда рвался на самые опасные и сложные задания».*

Александр Филатович был женат. Имел сына и дочь. Сын Ювеналий (1930–2007) в годы Великой Отечественной войны сбежал из Куйбышева, где был в эвакуации, на фронт, под Ржев, к отцу. Учился в Суворовском училище, был дипломатом. Одна из книг Ю. Полякова «Франция: пути и заботы молодых» (1974) рассказывала о работе и досуге французской молодёжи после событий «революции молодых» 1968 года.

Публикуемый ниже фрагмент из книги А.Ф. Полякова «В тылу врага» рассказывает о боевых буднях 24-й Железной Самаро-Ульяновской дивизии в конце июня – начале июля 1941 года, когда она выходила из окружения.

В тылу врага. Дневник военного корреспондента

30 июня

Переправившись через реку, мы заняли район для обороны в лесу. Наши намерения остаются прежними: неуклонно идти на восток, в сторону фронта, на соединение с основными частями Красной армии.

Просыпаюсь на рассвете в машине...

В тылу, в 5–6 километрах к востоку, послышался гул тяжёлых самолётов. К машине подбегает начальник штаба. Галицкий приказал ему выехать в район, над которым появились фашистские самолёты, и точно выяснить обстановку. В этом месте ещё с вечера патрулируют броневики и бойцы мотострелковой роты батальона майора Шуки.

Шука накануне предупредил командование, что на пути нашего следования замечен вражеский самолёт, с подозрительной на-

стойчивостью крутившийся над одной из лесных полян.

Предположив высадку фашистского десанта, Шука приказал командиру мотострелковой роты Кашееву и командиру бронероты Леонову окружить эту поляну и вести за ней и за воздухом наблюдение.

Наша машина помчалась. На горизонте я увидел несколько фашистских самолётов, кружащихся на высоте 500 метров. Останавливаем машину...

Воевать не могу, так буду записывать всё происходящее. Вынимаю свой изрядно потрёпанный блокнот. Оглядываюсь по сторонам. Невдалеке от себя скорее угадываю, чем вижу искусно замаскированных бойцов подразделений Леонова и Кашеева, расположившихся по опушкам вокруг поляны в ожидании непрошенных воздушных гостей. У разведчиков уши на макушке.

Но вот гул самолётов становится сильнее. Впереди летит вчерашний разведчик, а за ним – 9 транспортных машин. Они считают себя хозяевами положения, смело идут на малой высоте. Транспортные фашистские самолёты представляют весьма неприятное зрелище. Громадные, пузатые двухмоторные машины размалёваны чёрной и жёлтой краской...

Разведчик делает разворот над поляной. Транспортные машины повторяют его эволюции.

– Будет десант! Приготовиться к уничтожению! – негромко командует Кашеев.

На высоте 300–400 метров, немного не доходя поляны, разверзлось чёрное брюхо первого самолёта. И точно взрыв под фюзеляжем, появилось клочковатое облако грязного дыма. Но это не дым. Это грязно-зелёные парашюты и комбинезоны парашютистов. Из нижних люков самолёта вывалилось десятка полтора десантников-фашистов. За ними выросилась вторая группа... Каждый из вражеских парашютистов в первый миг, в силу инерции, летит ещё вместе с самолётом. Но вот надулись купола, натянулись стропы. Диверсанты болтаются в воздухе.

– Огонь! – с ожесточением, на весь лес, выкрикнул Кашеев и сам дал первую очередь из автомата по парашютистам.

Огонь десятков автоматов и пулеметов сотряс воздух.

Что творится в небе?! Пули, как ножом, распарывают вражеские парашюты. Точно лопнувший пузырь, парашют сразу превращается в сморщенную пленку и быстро падает на землю вместе со своим «грузом». Но некоторые диверсанты уже достигли земли. Вот они касаются ногами зелёной луговины. Но что это? Ноги у бандитов подламываются, точно глиняные: на поляну, подвешенные к парашютам, опускаются трупы фашистов.

Считанные минуты длится воздушный бой. Самолёты выбрасывают диверсантов, как горох. Многим из них удалось опуститься живыми... Идёт наземный бой. Фашисты яростно защищаются. Приземляясь, они тут же залегают и мгновенно открывают огонь из автоматов. Но безвыходно их положение! Проклиная своего неудачного поводыря-разведчика, офицеры пытаются организовать на поляне круговую оборону. Ведь сброшено около 150 человек. Но какая цена круговой обороне, когда здесь почти за сутки отлично подготовлено круговое нападение! Со всех опушек леса, из травы, из кустов, с деревьев ведут ожесточённый прицельный огонь шукинские стрелки и пулемётчики. Потери есть и у нас. Я вижу, как, обливаясь кровью, падает невысокий смуглый боец. Командир стрелкового взвода младший лейтенант Калмыков получает ранение в челюсть. Бедняга! Он не может говорить, командовать. Хочется бросить блокнот и стать на место Калмыкова. Слежу за ним. Оказывается, его и не нужно замещать – младший лейтенант продолжает разговаривать с врагами языком своего автомата.

Немцы падают на поляне, как дохлые мухи. В отчаянии они пытаются броситься в атаку и тут же натываются на пушечный и пулемётный огонь броневиков Леонова и Лося.

Гады почувствовали неминуемую гибель. В ядре оставших-

ся в живых парашютистов утрачено всякое управление. Бросая оружие, с диким приглушённым воем они бегут врассыпную.

Лишь несколько десятков фашистов прорвалось сквозь засаду и разбежалось по лесу. На поляне валяется 80 трупов вражеских парашютистов. Попытка врага отрезать нам пути отхода, нанести внезапный удар ножом в спину потерпела крах.

Мы возвращаемся на командный пункт. Вслед за нами на грузовиках шукинские разведчики везут богатые трофеи: автоматы новейшего образца, ручные пулемёты, гранаты, оптические приборы, взрывпакеты, несколько миномётов. В сумках и карманах убитых парашютистов оказалось много фальшивых документов на имя советских граждан и бойцов Красной армии.

На бритвенных приборах, париках, зеркальцах, припасённых фашистами, – клейма французских фирм. Видимо, это были опытные десантники, побывавшие с таким же «визитом» во Франции. Им легко было прыгать над Елисейскими полями и шарить на полках парижских косметических магазинов. На наших советских полях они нашли свою могилу.

Пока шло уничтожение парашютного десанта, Линько и Лукач вели телефонную линию к одному из наших фланговых подразделений. Связисты пересекали шоссе на дорогу и раздумывали: закопать или подвесить провод? Но вдруг невдалеке показался немецкий мотоциклист.

– В канаву! – крикнул Линько.

Связисты спрятались, не успев как следует натянуть провод, висевший на метр от земли.

Мотоциклист приближался во весь опор, но вдруг резко затормозил машину и разразился ругательствами. Провод болтался на уровне руля мотоцикла и мешал ехать. Фашист, считая провод своим, приподнял его и продвинул вперёд машину. Но, видимо, ему предстояло ехать по этой дороге обратно. Он вынул тетрадь, вырвал из неё несколько листов бумаги и повесил их на кабель. После этого мотоциклист укатил.

– Вот видишь, немец недоволен нашей работой. Провод плохо натянули, – промолвил Линько.

Лукач сосредоточенно смотрел на подвешенные немцем бумажки.

– Вот вернётся – доволен будет, – сказал он и с хитрой улыбкой добавил: – Давай попробуем его поймать. Совсем нетрудно.

– А как?

– Как диких лошадей – мустангов – ловят. На них индейцы петли накидывают. Лассо называется. И мы наподобие этого сделаем.

Включившись в провод, связисты попросили разрешения задержаться минут на двадцать. Разрешение было получено.

С провода сброшены немецкие бумажки. Лукач ложится в канаву по одну сторону дороги, Линько – по другую. Провод они положили поперек шоссе и взяли его в руки.

Началась репетиция: по сигналу Лукача они быстро вскидывали провод метра на полтора вверх, вниз. Так проделали десятки раз, вслушиваясь, не возвращается ли мотоциклист.

Вскоре послышался треск мотора. Мотоциклист всё ближе и ближе. Он едет на большой скорости. Сейчас промчится над чёрной ниткой провода, но провод вдруг молниеносно вырастает на уровне его шеи. Удар. Вскрик. Седок срублен с машины и кубарем летит на шоссе. Далеко откатывается его каска, подпрыгивая и звеня. А мотоцикл с прикреплённым к рулю пулемётом, пролетев вперёд, опрокидывается в кювет. Мотоциклист стиснут за горло железными руками отважных связистов...

1 июля

Запишем о «будильниках».

Они появились ровно в 6 часов утра, зелёные, с чёрными крестами на концах плоскостей.

Пятёрка бомбардировщиков начала делать разворот для атаки над территорией лагеря.

С обычного прямолинейного полёта фашисты бестолково швыряют мелкокалиберные бомбы. Люди просыпаются, торопливо протирают глаза.

– Прямого попадания в меня не было? – спрашивает шутник.

– Кажется, нет, – серьёзно успокаивает сосед.

Некоторые продолжают ещё крепко спать. На них не действует никакая бомбёжка. Человек ко всему привыкает.

Пятёрка улетела. На командном пункте снова спокойно, в отрядах тоже.

– Кабы опять не вернулись, – опасно говорит боец с забинтованной рукой.

– Ну и что же, со страху помирать, что ли? – замечает другой. – В поле вон мужики безо всякой опаски пашут. Давеча бомбы летят, а один дядька в белой рубашке пашет и пашет...

Генерал Галицкий вышел из машины после трёх часов сна. На кителе сверкает боевой орден Красного Знамени.

– Обстановка? – обращается он к оперативному дежурному.

Это и приветствие, и начало работы.

Пока докладывается обстановка, генерал успевает умыться, почистить зубы...

– За два дня мы немало насолить немцам, – говорит он начальнику артиллерии полковнику Добронравову. – Они наверняка постараются расквитаться с нами с воздуха.

В самом деле, позавчера мы их обманули с переправой, уйдя без больших потерь. Вчера истребили вражеский десант.

Галицкий отдает приказание всем начальникам служб и командирам частей о тщательной маскировке.

– За полтора часа всем глубоко зарыться в землю. Враг знает контуры нашего лагеря. Ему даже известен мой командный пункт. Огонь по самолётам вести только снайперам и зенитным подразделениям. Патроны экономить.

...А вот припожаловали и воздушные гости. В небе над нами появляются на большой высоте 32 фашистских бомбардировщика. Мы сначала думали, что эскадра летит мимо нас на бомбёжку какого-нибудь крупного объекта. Флагманский корабль воздушной эскадры вдруг делает резкий поворот. Какой-то сигнал...

Самолёты девятками и звёздами разворачиваются над нашим лесом.

– В укрытия!

Самолёты с пикирования набросились на лагерь. Наших войск немало, но и лес велик. Он гостеприимно укрывает нас своей густой листвой. А главное, что спасало, – щели, укрытия.

Фашисты около часа бомбили, стреляли из авиапушек, прочёсывали лес пулемётными очередями. Всё кругом замерло, лишь на дальних опушках с ожесточением рывали орудия зенитного дивизиона капитана Мачульского.

Сбросив весь груз бомб, самолёты улетают назад. Из блиндажа выходит Галицкий.

– Донесения о потерях? – требует он у пункта связи.

Первым донесениям о потерях Галицкий просто не верит: единицы убитых, десятка два раненых.

– Ещё раз проверить и снова доложить!

Проверка ничего не изменила. Но вот чем дополнились донесения по телефону:

«Снайпер части тов. Пасюкова красноармеец Семинев двумя выстрелами из винтовки сбил двухмоторный бомбардировщик. Самолёт валается около нас. Экипаж убит. Все бойцы очень рады. Смотрят сейчас машину, качают Семинеева...»

Да как же тут не радоваться! Я тоже кричу направо и налево:

– Сбит самолёт из винтовки! Сбит самолёт!

«Что-нибудь натворил и Мачульский», – думаю. Но донесения от него пока нет. Куда поехать? Хочется и к самолёту, и о зенитчиках узнать что-либо.

Подвернулась машина. Еду к Мачульскому. Всюду закопчённые медные гильзы, снаряды, разорванные на куски маскировочные сети. У орудий нет никого. Что за чудо?

Под одним из орудий нахожу окровавленного бойца. Живой, ранен в ногу, перевязан.

Фамилия Гужва. Наводчик орудия.

– Где народ?

– Убежали к самолётам, – тихо отвечает наводчик.

Из небольшого перелеска выходят весёлые, возбуждённые и все чумазы от пороховой копоти зенитчики. Они горячо обсуждают: какие же из батарей сбили самолёты?

– Идёмте, покажем вам нашу работу, – говорит Мачульский.

В километре друг от друга на земле догорают два фашистских бомбардировщика. Экипажи убиты.

– Кто сбил? – спрашиваю.

– Да разве разберёшься! – Мачульский разводит руками. – Запишите командиров орудий: Бражник, Павлов, Белоусов, Змейков; наводчики – Гужва, Кружно, Петрик, Степанов...

В дивизионе ранен один Гужва. А ведь это был поединок дивизиона с 32 вражескими самолётами!

Вечером на командном пункте появился тот, кому мы обязаны посещением вражеской эскадры.

Перед батальонным комиссаром Демажировым, под конвоем двух разведчиков, стоял со связанными назад руками пожилой худощавый человек в новой, ослепительно белой льняной рубашке. Глаза его дико бегали по сторонам. Разведчики поймали его за странным занятием во время авиационной атаки. В то время как все крестьяне укрылись от фашистов в лесах, этот труженик, надев праздничную белую рубашку, выехал в поле. В километре от нашего командного пункта он пропахивал картошку. Пропаху он начал ещё до появления вражеских самолётов и с подозрительным бесстрашием продолжал её во время бомбёжки.

Как только кончился налёт, разведчики Корпейчук и Плахта, наблюдавшие за работой «пахаря», подбежали к нему.

– Дядька, ты чего не укрываешься? Разбомбить могут.

– Они, сыночки, всё равно целиться не умеют. А картошка-то не ждёт.

Разведчики, разглядывая картофельное поле, вдруг заметили: свежие борозды проложены не только вдоль картофельных

гряд, но и поперек их и наискось. Все они тянулись в сторону рощи с командным пунктом, лучами шли и в направлении огневых позиций артиллеристов...

Бойцы переглянулись. Подозрительное дело. Нужно доставить «пахаря» к командиру.

Но он идти наотрез отказался. Пришлось применить силу.

И вот он стоит теперь перед нами – презренный шпион, продавший фашистам Родину.

Припёртый к стене, кулак Гончарук откровенно во всём признался. Работает агентом немецкой разведки четыре месяца. Специальность – наводчик. Это он утром наводил фашистскую пятёрку. По его же целеуказаниям действовала эскадра. Он работает уже несколько дней. Белая рубашка – условный опознавательный знак. Небольшой, 20-метровый, рейс за сохой на виду у самолётов – направление на цель.

Наводчик фашистских самолётов расстрелян.

Расположение нашего лагеря точно известно врагу. Больше, чем сама бомбёжка, взволновал нас этот случай.

Командиры и политруки призывают бойцов к ещё большей бдительности. Галицкий отдаёт приказ:

– К утру нас здесь не должно быть!

Все готовятся к ночной перебазировке.

Солнце медленно ползёт к закату, разбрасывая золотистые лучи. Но нам сейчас не до восхищения небесным светилом. Оно мешает нам.

– Скорей бы за лес завалилось, – нетерпеливо говорят командиры.

Нам позарез нужна ночь. Она длится всего четыре часа, а мы должны к утру быть в 30 километрах отсюда. Кончаю запись. Сейчас уезжаем. Поесть бы теперь хорошенько! Очень хочется есть. Но у нас нет продуктов. Уже двое суток, как мы все, бойцы и командиры, ничего не ели. Но никто не жалуется, все заняты боем...

Подготовил **Дмитрий Мурашов**,
учёный секретарь Пензенской областной
библиотеки им. М.Ю. Лермонтова